

Лейкин Николай Александрович

Тщеславие и Жадность

Две повести

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Тщеславие и Жадность: Две повести / Лейкин Николай Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 382 с.

ISBN 978-5-519-92957-8

ISBN 978-5-519-92957-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТЩЕСЛАВІЕ.

I.

АЗБОГАТѢВШІЙ еупеѣ Анемподистъ Вавиловичъ Подпругинъ, мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, очень хорошо сохранившійся, безъ одинаго сѣдаго волоска въ густой бородѣ и на вискахъ, хотя и съ объемистымъ брюшкомъ, лежалъ у себя въ роскошно отдѣланномъ кабинетѣ на диванѣ и благодумствовалъ. Онъ только что сейчасъ отобѣдалъ, былъ въ дорогомъ шелковомъ халатѣ и говорилъ женѣ, просматривавшей около его письменнаго стола журналъ «Ниву»:

— Гляжу я теперь, Ольга Савишна, вокругъ себя, вглядываюсь и никакъ придумать не могу, чего намъ еще не достаетъ. Все есть—вотъ до чего мы дошли.

— Образованности у насъ настоящей нѣтъ, полировки — вотъ чего намъ не хватаетъ,—отвѣтила супруга, продолжая перелистывать журналъ.

— Ну, а ужъ это надо у людей перенимать, хо-

рошихъ полированныхъ знакомыхъ заводить, почаще ихъ въ гости приглашать, журъ-фиксъ для нихъ устроить и съ нихъ примѣръ брать. Какъ люди, такъ и мы. Господи! Обезьянъ учать, а неужто мы-то подъ нихъ потрафить не сумѣемъ!

— Ну, ужъ это, знаешь, кто изъ какого званія, то какъ ни потрафляй, а всегда оно скажется. Вотъ меня, напримѣръ, такъ и тянетъ посидѣть у насъ на крыльцѣ или за воротами, а отчего?..

— Боже тебя избави это дѣлать!

Подругинѣ колыхнуль чревомъ и, вострепнувшись, прилегъ на локоть.

— Да знаю, знаю, что это не подходитъ,—успокоила его жена.—А между тѣмъ, тянетъ. А отчего тянетъ? Оттого, что я раньше сиживала у папеньки и благодушествовала. Тянетъ.

— Вели закладывать пару лошадей въ коляску и поѣзжай кататься, ежели тянетъ.

— Не тотъ фасонъ.

— Отчего не тотъ? Сиди въ коляскѣ и думай, что ты за воротами сидишь.

— И то же да нето. Тутъ шляпка, ротонда, въ коляскѣ надо по-дамски развалившись сидѣть, а меня тянетъ просто въ обыкновенной шубкѣ и покрывшись платкомъ. Да ежели при этомъ на три копѣйки подсолнуховъ...—улыбнулась она.

— И думать не могу!

Подругина словно что кольнуло. Онъ вскочилъ и сѣлъ на диванъ.

— Да знаю, знаю, что не хорошо, а между тѣмъ тянетъ. Я иногда тайкомъ ѣмъ подсолнухи.

— Все-таки при прислугѣ?—испуганно спросил Подпругинъ.

— Одна только горничная Маша знаетъ и заказала я ей, чтобы она никому ни слова, ни поль- слова, ни четверть слова...

— Бѣда! У Маши язычочесальный звонъ на языкѣ. Скажи свинѣ, такъ свинья борову, а боровъ всему городу.

— Вздоръ! Кажется, ужъ по горло задарена моими обносками. Проносить ихъ не можетъ, цѣлыми котомками въ деревню посылаетъ бѣднымъ сродственникамъ.

— Кто, матушка, язычочесальную словесность любить, тотъ и радъ-бы удержаться да не можетъ. Ахъ, какъ это не хорошо, ежели это нашъ выѣздной лакей Андрей знаетъ!

— Ничего онъ не можетъ знать, потому я запершисъ въ спальнѣ подсолнухами занимаюсь. Маша мнѣ ихъ покупаетъ, туда приносить — ну, и мы съ ней вдвоемъ: я половину и она половину.

— Съ горничной?.. Ну, компанія... Тогда навѣрное Андрей знаетъ. У Маши съ нимъ шуры-муры. Ахъ, какъ это не хорошо!

Анемподистъ Вавиловичъ всталъ съ дивана и прошелся по комнатѣ.

— И что за малодушество къ этимъ подсолнухамъ! Ну, фла-бы шоколадъ, сколько въ тебя влѣзетъ,—продолжалъ онъ.

— Вишь ты какой! Не тотъ вкусъ.

— Ну, миндальные орѣхи, что-ли.

— Даже и кедровыми не замѣнишь. Да ты не

безпокойся. Ни единая душа, кромѣ Маши, не знаетъ.

— Отвыкни ты отъ этого, Ольга Савишна. Вѣдь вотъ я отъ бани отвыкъ и дома въ ванной моюсь. А ты думаешь, мнѣ это легко было? Отвыкъ и чай пить ходить въ трактиръ. Тянетъ иногда по старой подрядчицкой привычкѣ, а ужъ коли сказалъ себѣ, что довольно—ну, и довольно. Съ какой стати? У меня всегда дома даже на настоящемъ серебряномъ подносѣ лакей подаетъ.

— Да вѣдь и я ужъ отъ многого отвыкла. Вотъ ты сказалъ, чтобъ богомолкъ не принимать — я и не принимаю. Хотя, въ сущности, что тутъ такое?..

Подпругинъ подумалъ.

— Какую нибудь пріѣзжую игуменью или тамъ казначейшу мать Досифею ты можешь принимать,— сказалъ онъ,—это не вредить, это по модѣ, а какъ же простыхъ богомолкъ-то въ лаптяхъ принимать!

— Да я и не принимаю.

— Ну, то-то. Вѣдь, такъ сказать, и въ стуюлку ничего-бы играть, однако, вотъ я, видя, что высшее общество этой игрой не занимается, бросилъ и сталъ въ винтъ учиться.

— Ужъ винтъ! Смѣялись мнѣ насчетъ твоей игры,— улыбулась супруга.

— Однако все-таки играю. Недавно съ ея превосходительствомъ Варварой Петровной игралъ и восемнадцать рублей отдалъ. Будемъ играть дальше—и лучше научимся.

Подпругинъ взялъ изъ ящика сигару, закурилъ ее и опять прилегъ на диванъ.

— Вѣдь вотъ и къ сигарамъ я долго не могъ привыкнуть, однако привыкъ же, вурю и даже очень обожаю.

— И я къ корсету привыкла. Ты видишь, теперь никогда безъ корсета. Развѣ только у себя въ будуарѣ, пока въ парадныя комнаты не вышла,—похвасталась въ свою очередь супруга.

— Что похвально, то похвально и за это хвалю. Мнѣ самому куда трудно было къ фраку привыкать, но я подумалъ, что люди высшаго званія еще слабѣе же насъ, однако, въ лучшемъ видѣ его носятъ, ну и привыкъ. Одно вотъ, на званныхъ обѣдахъ въ немъ иногда тяжело, но вспомню про весь аристократическій кругъ и смирюсь. Вѣдь не хуже же они насъ, да терпятъ. Ну, и намъ надо терпѣть.

Онъ умолкъ и самодовольно началъ поглаживать рукой грудь и чрево, но минутъ черезъ пять снова обратился къ женѣ:

— Вотъ все думаю я, Ольга Савишна, что бы еще намъ завести у себя въ домѣ?

— Да кажется ужъ все есть,—отвѣчала супруга.

— То-то, что все есть. Зимній садъ есть, лѣстница парадная съ пальмами есть, меблировка по комнатамъ въ пяти вкусахъ. Есть и Мавритана, есть и Помпей, есть и ампиръ, есть и насчетъ русскаго стиля удовольствіе. Вотъ я и думаю...

— Брось, все есть. Ничего больше не надо.

— А можетъ быть и надо, почему ты знаешь! Можетъ быть чего нибудь и нѣтъ?

— Да, право, все есть.

— Библіотеки хорошей нѣтъ. Библіотека мала.

— Полно. Зачѣмъ тебѣ библіотеку? Никогда самъ и не читаешь.

— Для покровительства талантамъ. Самъ не читаю, такъ гости будутъ читать.

— Когда же это гостямъ читать!

— Ну, просто для покровительства талантамъ. Потомъ на шкапы карты, гдѣ это самое небесное землеописаніе... потомъ глобусы всѣхъ сортовъ. Тутъ-же подъ стеклами разныя букашки и таракашки засушенныя, а на крышѣ фонарь и тамъ эта самая консисто... Тьфу! что я... А на крышѣ обсерваторія съ большимъ микроскопомъ, чтобъ на небесныя звѣзды смотрѣть.

— Оставь, не затѣвай... Всего довольно, проговорила жена.

— Гостямъ всегда показать можно... Лишнее занятіе. Нѣтъ, этотъ засадъ я буду у себя въ головѣ держать. Это дѣло хорошее.

Попыхивая сигарой, Подпругинъ началъ дремать.

II.

РЕМОТА Подпругина постепенно перешла въ сонъ. Онъ выронилъ изъ пальцевъ потухшую сигару на дорогой персидскій коверъ, разостланный около дивана, и сталъ храпѣть.

— Ты что-же это дѣлаешь!—воскликнула супруга,

все еще сидѣвшая около его письменнаго стола и разсматривавшая иллюстрированные журналы.— Забылъ, что докторъ тебѣ послѣ обѣда спать запретилъ?

Подпругинъ быстро встрепенулся и сѣлъ на диванъ.

— Да я не сплю... Я такъ...—проговорилъ онъ и сталъ искать на коврѣ свою сигару.

— Былъ у тебя сегодня массажистъ?—задала вопросъ супруга.

— Массажистъ-то? Былъ. Но я его отослалъ сегодня и велѣлъ послѣзавтра приходить.

— Вотъ тебѣ и здравствуй! Прикончилъ, стало быть, леченье?

— Нѣтъ, не прикончилъ. Зачѣмъ-же кончать, ежели это леченіе теперь въ модѣ и принято у всѣхъ извѣстныхъ личностей высшаго круга! Кончать не буду, а черезъ два дня въ третій будетъ у меня сеансъ. Довольно. Что зря мучиться! Вѣдь ежели-бы у меня болѣло что-нибудь, а то ничего не болитъ.

— Тебѣ этотъ массажъ докторъ Эртельсонъ велѣлъ отъ тучности, чтобъ животъ у тебя не росъ.

— Пустяки. Просто я тогда для компаніи генералу Тутыщеву согласился. Тутыщевъ за обѣдомъ сталъ хвалить своего массажиста и спросилъ, не нужно-ли его мнѣ. Мнѣ хотѣлось услужить генералу—я и просилъ его прислать. А ужъ потомъ спросилъ доктора Эртельсона—вреденъ мнѣ массажъ или не вреденъ. Тотъ улыбнулся и говорить: «а вы хотите разминку членовъ массажемъ?.. Пожалуй, говорить, даже и полезно. Только вотъ какой массажъ дѣлайте». Взялъ бумажку и написалъ: «Пассивная гимнастика». Написалъ и велѣлъ передать массажисту.

Вотъ и все... Нѣтъ, довольно черезъ два дня этого массажа. Все-таки этотъ массажистъ будетъ ко мнѣ ходить, переносить отъ меня поклоны его превосходительству. Вѣдь и самъ генераль Тутыщевъ черезъ день дѣлаетъ себѣ массажъ

Подпругинъ сталъ закуривать потухшую сигару и спросилъ жену:

— Куда мы сегодня вечеромъ поѣдемъ?

— Да некуда,—отвѣчала супруга.—Я ужъ и то думаю. Въ театръ—такъ завтра нашъ абонементъ въ оперѣ. Ну, что два дня подъ рядъ въ театрѣ!.. Да и не достанешь теперь ложи.

— Да, мало у насъ знакомыхъ, мало. Кажется, и распространяешь кругъ знакомыхъ, а съѣздить не къ кому!—вдохнулъ Подпругинъ.—То есть знакомые-то у насъ и есть, но все такого сорта, что сами къ намъ ѣздить, а къ себѣ не зовутъ. Да вонъ хоть-бы генераль Тутыщевъ... Два раза онъ меня почтилъ своимъ присутствіемъ на обѣдѣ, а чтобъ къ себѣ позвать—ни-ни. А между тѣмъ, стороной слышу, что у него по средамъ журъ-фиксы и даже сенаторы бывають. Сказываютъ, что тутъ какъ-то даже свѣтлѣйшій князь Ченстовскій былъ. Мнѣ Переклюковъ сказывалъ. Переклюковъ даже былъ. А вотъ меня не зоветъ.

— Стало-быть не считаетъ достойнымъ тебя,—отвѣтила супруга.

— Странно. Тогда съ какой-же стати самому-то ему ко мнѣ ходить?

Подпругинъ сдѣлалъ гримасу и задумался. Черезъ нѣсколько времени онъ спросилъ:

— Ольга Савишна, хочешь, я арапа себѣ въ лакеи найму?

— Зачѣмъ-же это?

— Да такъ. Вотъ у Кудаловыхъ-Залѣсскихъ есть. Ёзжу я мимо, такъ вижу, что на подъѣздѣ стоитъ. Въ красномъ жилетѣ, въ стиблетахъ, въ бархатныхъ штанахъ. Нанять?

— Выдумай еще что-нибудь!

— У людей есть, такъ отчего-же намъ не имѣть? Вотъ тогда генераль Тутщевъ посмотреть!

— Брось.

— А то такъ карлика заведу. Вонъ въ газетахъ публикуется лакей-карликъ. Хочешь карлика?

— Не надо. И такъ ужъ всякой прислуги цѣлая свора.

— Свора-то свора, это точно. И лакеевъ много и все, и ничего въ нихъ, знаешь, нѣтъ особеннаго...

— Не знаю, про что ты говоришь.

— Ростомъ малы, виду нѣтъ. Вонъ я вижу у аристократовъ на подъѣздѣ... Швейцарь—звѣрь, лакей ростомъ съ каланчу и бакенбарды—во... А у насъ все мелюзга. Нѣтъ, я возьму арапа,—рѣшилъ Подпругинъ.

— Да полно, не бери. Я бояться его буду,—отвѣтила супруга.

— Чего-же тутъ бояться-то! Живой человѣкъ, такой-же какъ и мы, а только черный.

— Ну, вотъ видишь, стало быть и не такой, коли черный. Нѣтъ, нѣтъ, оставь арапа.

— Какая дикость! Ты смотри, не брякни у меня объ этомъ при гостяхъ, что боишься арапа.

— Ну, вотъ... Будто я не понимаю.

— То-то. На тебя иногда находить. Ты сидишь, сидишь да и выпалишь. Охо-хо-хо-хо!

Подпругинъ звѣнулъ.

— Ежели не знаешь, что дѣлать и скучаешь дома, то поѣдемъ сегодня къ брату Амосу Савичу, — предложила супруга.

— Ну, вотъ! Стану я по сѣрымъ домамъ ѣздить! Я совсѣмъ хочу отъ этихъ Амосовъ Савичевъ отстать. Какая такая они намъ теперь компанія? Только фасонъ нашихъ гостей портятъ.

— Ужъ у кого какая родня есть, а родню надо почитать.

— Имъ родственное почтеніе и будетъ. Вотъ 2-го ноября буду именинникъ — приходите, пейте, ѣшьте, жарьте въ стуюлку. По ихъ сѣрымъ понятіямъ будутъ имъ и закуска сѣрая весь вечеръ въ углу стоять, дамъ будемъ весь вечеръ душить мороженымъ и шоколадомъ, а дня черезъ два закатимъ вечеръ для другого сорта гостей, настоящаго высшаго круга. Они ужъ и такъ у меня мои и твои именины отбили, такъ что я въ эти дни не могу настоящую аристократическую публику къ себѣ въ гости позвать.

— Напрасно ты это. Право, они ничего. У брата Амоса вонъ ужъ и сынъ студентъ.

— Сынъ-то студентъ, да самъ-то онъ никакой политичности не знаетъ. Помнишь, за обѣдомъ, когда еще у насъ графъ Лобусовъ обѣдалъ?.. Была передъ обѣдомъ закуска на отдѣльномъ столикѣ, всѣ выпили по рюмкѣ водки и закусили и только сѣли за